

К ИСТОРИИ ПРЕДГУСИТСКОЙ ЧЕХИИ

Ю. Ф. Иванов

В послевоенные десятилетия на страницах зарубежной исторической печати началась дискуссия о так называемом «всеобщем кризисе» западноевропейского феодализма в XIV—XV веках. В нее вольно или невольно включился довольно широкий круг буржуазных и марксистских историков. Дискуссия имеет большое методологическое значение, так как охватывает проблему исторических предпосылок возникновения капитализма¹. В этой связи принципиальное значение приобретает понятие о «восходящей» и «нисходящей» линиях в развитии всякой антагонистической общественно-экономической формации. Классическую характеристику этих линий развития мы находим в труде Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Нам хотелось бы напомнить это место. «Пока тот или иной способ производства находится на восходящей линии своего развития, — писал Ф. Энгельс, — до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения... Более того: пока этот способ производства остается еще общественно-нормальным, до тех пор господствует, в общем, довольство распределением... Лишь когда данный способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, когда он наполовину изжил себя, когда условия его существования в значительной мере исчезли и его преемник уже стучится в дверь, — лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым...»².

В какой же мере это положение приложимо к феодальной формации? М. В. Нечкина проиллюстрировала мысли Ф. Энгельса на примере истории феодализма в России³. Но естественно, что эта проблема далеко выходит за рамки истории одной страны, так как феодализм является наиболее распространенной и универсальной антагонистической формацией. Постановка Ф. Энгельсом вопроса о «восходящей» и «нисходящей» линиях развития является своеобразным ключом к изучению феодальной формации в целом. Особенно важно установить главное направление развития при исследовании переломных эпох, когда сталкиваются противоречивые, а порой и прямо противоположные тенденции. Важно также выбрать и географический район, где бы эти явления воплотились с наибольшей полнотой. Одним из таких мест, несомненно, была Чехия, которая находилась на рубеже XIV—XV вв. в фокусе европейской истории. Чехия в этот период явилась местом, где с наибольшей силой сосредоточились и проявились все противоречия феодального общества,

¹ Историография вопроса и критика теории «всеобщего кризиса» феодализма содержатся в статье М. А. Барга «О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV веках». «Вопросы истории», 1960, № 8; см. также его же. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. «Вопросы истории», 1963, № 3.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 153.

³ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7; ее же. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. «Вопросы истории», 1963, № 12.

где столкнулись две тенденции социального развития: одна, характерная для стран, лежащих к востоку от Эльбы, другая — к западу. И применение к исследованию истории этой страны проблематики, связанной с «восходящей» и «нисходящей» стадиями общественно-экономической формации, позволит по-новому подойти и решить ряд вопросов, волнующих историков: был или не был в XIV—XV вв. «всеобщий кризис» феодализма, почему тенденция к усилению барщины и крепостного права, появившаяся еще во второй половине XIV в., победила только через 300 лет, была ли дифференциация крестьянства накануне гуситских войн имущественной, социальной или даже классовой, каков был характер гуситского революционного движения?

Для окончательного решения вопроса о том, на «восходящей» или «нисходящей» стадии находился феодализм в Чехии накануне гуситских войн, придется рассмотреть всю совокупность экономических, классовых, политических и культурных явлений, происходивших в стране в этот кульминационный период развития средневековья в Западной Европе, а также и национальную проблему, имевшую для Чехии особое значение. Напомним, что Ф. Энгельс, характеризуя гуситское движение как крестьянскую войну, подчеркивал ее национально-чешский характер⁴. Но все же, нисколько не игнорируя необходимости исследования всего комплекса вопросов, приходится отметить определяющее значение анализа социально-экономического развития для разрешения интересующей нас проблемы. Марксистско-ленинская историография уже сделала немало для выяснения особенностей социально-экономического развития Чехии в предгуситский период. Работы по этому вопросу начали появляться в Чехословакии и СССР почти одновременно. Исследование вело поколение, вошедшее в науку только после второй мировой войны. Буржуазная историография оставила довольно скудное наследство, мало фактического материала, которым можно было бы оперировать.

Вопросы социально-экономического развития чешского предгуситского города разрабатывал крупный буржуазный ученый Б. Мендль. По сути дела, он первым в чешской историографии занялся изучением экономической истории, применяя для этого статистический метод исследования. Мендль отметил, что в XIV в. в Чехии резко возросло количество городов, увеличилась численность городского населения. По его подсчетам, в Праге проживало около 40 тыс. жителей, и, следовательно, это был один из крупнейших городов Западной Европы. Наряду с Прагой крупными населенными пунктами становятся Брно, Хеб, Чешские Будеювицы, Хрудим и многие другие чешские города⁵. Укрепляются цехи, среди ремесленников увеличивается специализация. Так, пражское металлургическое производство насчитывало в XIV в. 34 ремесленных специальности⁶. Все это свидетельствовало о том, что процесс общественного разделения труда, начавшийся с отделением ремесла от сельского хозяйства и образованием городов, неуклонно прогрессировал⁷. Изучая городские книги и ведомости сбора городских налогов, Мендль обратил внимание на существование различных слоев городского населения и показал, что кажущееся процветание городского ремесленничества косну-

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 180.

⁵ B. M e n d l. Hospodářské a sociální poměry v městech pražských v letech 1378 až 1434. «Český časopis historický» (далее «ČČH»), 1916, s. 439, 440.

⁶ B. M e n d l. Sociální krise a zápas v městech 14. věku. «ČČH», 1926, s. 267.

⁷ Многие авторы сходятся в констатации роста товарно-денежных отношений в Чехии XIII — первых двух десятилетий XV века. Но следует помнить, что во всех случаях речь может идти только о наличии довольно развитых товарно-денежных отношений, а отнюдь не об их господстве. Внутренний рынок все еще был ограниченным, покупательная способность крестьян низкой, и покупка даже пары башмаков являлась для них событием. Многие горожане не порывали связи с сельским хозяйством, что обеспечивало значительную степень их независимости от деревенского привоза.

лось только цеховых мастеров. Остальные ремесленники, составившие значительную часть населения чешских городов, жили в весьма стеснительных материальных условиях. В XVI в. не только в таких больших городах, какими являлись Прага или Брно, но и в более мелких часть жителей не платила налогов, так как не имела облагаемого имущества (в Брно такой слой составлял 38%). Мендль также на основе статистических данных пришел к выводу о весьма натянутых отношениях между ремесленничеством и патрициатом. Исследователь установил, что богатство патрицианских семейств выросло на основе крупной заграничной торговли и ростовщичества. Причем нажитые таким путем деньги городские патриции часто вкладывали в недвижимость: в дома и земельные владения в деревне⁸. Мендль подробно остановился и на методах эксплуатации ремесленных слоев патрициатом. Анализ социальной структуры городского населения весьма важен для понимания характера изучаемого периода. Он показал, что ремесло оставалось в предгуситское время цеховым и для образования мануфактур в чешском обществе еще не сложились условия. Производство, несмотря на эксплуатацию со стороны патрициата, находилось в руках среднего ремесленного слоя.

Хуже было положение с историей аграрных отношений. Здесь ученые располагали лишь разрозненными наблюдениями представителей формально-юридической школы над изменением правового статуса чешского крестьянства в XIII и XIV вв. и поверхностным описанием изменений в форме крестьянских повинностей в XIV веке. Широкое распространение имел тезис о том, что общее положение чешского крестьянства якобы неуклонно улучшалось и накануне гуситского движения было, как никогда, благоприятным. Определенную научную ценность представляли только работы А. Н. Ясинского⁹, который, изучая сложнейшие средневековые документы — поземельные описи, обратил внимание на серьезное ухудшение положения чешского крестьянства в XIV — начале XV века. Он отметил наиболее характерные для Чехии того времени приемы злостного вымогательства у крестьянской массы новых поборов. Он же впервые в историографии поставил вопрос о наличии глубокой имущественной дифференциации зависимого чешского крестьянства. Однако объяснить внутреннюю обусловленность всех этих явлений Ясинский не мог и в результате свел все дело к чужеземным влияниям, а именно — последствиям немецкой колонизации и введении «немецкого» права в селах Чехии.

Но у марксистских исследователей социально-экономической истории Чехии XIV—XV вв. было и одно несомненное преимущество. Приступив к своей работе только в конце 40-х—начале 50-х годов нашего столетия, они смогли взять на вооружение достижения марксистско-ленинской историографии в исследовании западноевропейского феодализма, работы Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, М. М. Смирнова, В. Ф. Семёнова, М. А. Барга, В. В. Стоклицкой-Терешкович и др. Чехословацким историкам были известны и заметки погибшего в годы оккупации в нацистском заключении марксистского историка Курта Конрада¹⁰. В становлении марксистской концепции социально-экономической истории

⁸ B. Mendl. Z hospodářských dějin středověké Prahy. «Sbornik příspěvků k dějinám hlavního města Prahy». Praha. 1932.

⁹ Основным трудом ученого является магистерская диссертация «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века». Т. I. Юрьев. 1901. Последующие тома опубликованы не были. См. также А. Н. Ясинский. Эмфатизм и перемер полей в средневековой Чехии. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. III. 1929; его же. Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятников аграрной истории Чехии. «Труды» Белорусского государственного университета. Т. XII. 1926.

¹⁰ Советские историки познакомились с этими заметками лишь недавно, благодаря их публикации. См. К. К о п г а д. Dějiny husitské revoluce. Praha. 1964.

Чехии XIV—XV вв. сыграли свою роль также работы Ф. Грауса о развитии чешского сукноделия в XIV и XV вв. и о городской бедноте в предгуситское время¹¹. Граус показал, что беднота являлась совершенно самостоятельным слоем чешского городского населения, существовавшим наряду с патрициатом и ремесленниками. Он обратил внимание на то, что цехи стали замкнутой организацией, препятствующей ученикам и подмастерьям становиться мастерами, ограничивающей доступ к ученичеству. Вследствие этого большая часть горожан, недавно пришедших из деревни, пополняла собою ряды бедноты. В чешском городе перед гуситскими войнами обострились социальные конфликты и определилась роль городских элементов, выявившаяся с полной силой уже в ходе самого гуситского движения.

Эти первые достижения марксистских исследований и все лучшее, что дала буржуазная историография, были творчески использованы И. Мацеком в его фундаментальном труде «Табор в гуситском революционном движении»¹². Свое исследование он начинает с разбора социально-экономической ситуации Чехии в XIV—начале XV в., то есть в столетие, непосредственно предшествовавшее гуситским войнам. Очень важна исходная позиция Мацека. Он отталкивается от идеи, что феодализм в это время в ряде стран находился в состоянии «затяжного кризиса». Причину этого раннего кризиса историк видит в том, что старые феодальные производственные отношения уже вступили в противоречие с ростом новых производительных сил. Феодальный общественный строй был расшатан и подточен в результате развития ремесла, торговли и денежного обращения. А отсюда значит, что «чешское общество в конце XIV и начале XV в. переживало эпоху глубокого кризиса»¹³. Спутником этого кризиса стали деньги, которые играли все возрастающую роль в чешском обществе. В книге констатируется, что наибольшее распространение в предгуситский период получила денежная феодальная рента. В некоторых местах денежная рента сочеталась с умеренными натуральными поборами, в некоторых вотчинах крестьянам приходилось по нескольку дней в неделю выполнять барщину. Массовый переход к денежной феодальной ренте усилил процесс расслоения чешского крестьянства. Правильно обратив внимание на появление зажиточного слоя крестьянства и большого количества деревенской бедноты, Мацек, однако, упустил из вида наличие в чешской деревне того времени многочисленного среднего крестьянства¹⁴, что так характерно для «восходящей» стадии феодализма. Разложение крестьянства на полярные группы, по мнению Мацека, зашло так далеко, что стало возможным говорить о «различии классовых интересов зажиточных крестьян и деревенской бедноты»¹⁵. Вполне понятно, что с появлением деревенских богатеев, особенно крупных арендаторов, ведущих свое хозяйство с помощью наемных работников, возникают чрезвычайно острые противоречия между полярными слоями феодальной деревни XIV—XV вв., что, в частности, отражалось в программмах и тактике различных группировок сельского населения в крестьянских движениях. Однако к этому вопросу нужно подходить осторожно, помня, что на крестьянство давил землевладелец-крепостник, в полной власти которого находились все слои зависимого крестьянства. Вот почему крепостникам-помещикам и служившему им государству крестья-

¹¹ Fr. Graus. Soukenictví v době předhusitské. «Sborník pro hospodářské a sociální dějiny». D. I. 1946; e j u s d. Chudina města v době předhusitské. Praha. 1949.

¹² I. Macek. Tábor v husitském revolučním hnutí. D. I—II. Praha. 1952—1956. 2 vyd. 1956. Русское издание: «Табор в гуситском революционном движении». Т. I. М. 1956; т. II. М. 1959.

¹³ I. Macek. Op. cit. D. I, 2 vyd., s. 39, 49.

¹⁴ На этот просчет автора обратили внимание рецензенты. См. П. И. Резонов, Г. Э. Санчук, А. И. Озолин. Гуситское революционное движение в новых работах чехословацких историков. «Вопросы истории», 1954, № 10, стр. 143.

¹⁵ I. Macek. Op. cit., D. I. 2 vyd., s. 49.

янство противопоставлено как нечто единое целое, по выражению В. И. Ленина, «как класс-сословие»¹⁶.

В 1953—1957 гг. была опубликована монография Ф. Грауса, специально посвященная истории чешского крестьянства в догуситское время¹⁷. Исследуя период становления феодализма в Чехии, автор показывает, что чешское общество уже в X в. было вполне феодальным. Крестьянство в тот период усиленно закрепощалось. Преобладающей формой эксплуатации являлись барщина и натуральные поборы. Денежные повинности вплоть до середины XIII в. появлялись лишь спорадически и большого значения не имели. Массовый переход к денежной форме феодальной ренты был связан с развитием городов и появлением рынка для продуктов сельского хозяйства. Нарисованная Граусом картина ярко свидетельствует о том, что феодализм в то время переживал свою «восходящую» стадию. Что же меняется в поземельных отношениях Чехии XIV — начала XV века? Оказывается, многие продукты сельского хозяйства теперь стали выступать как товар. Особенно это относится к зерну, вывозившемуся в больших размерах в соседние страны. Но автор в то же время предостерегает от преувеличения степени товарности сельского хозяйства XIV века. Феодалы и зависимые крестьяне производили для продажи весьма ограниченное количество продуктов, столько, сколько было необходимо для того, чтобы заплатить феодалу чинш и выполнить иные повинности¹⁸. Распространение товарности хозяйства сказалось на тенденциях развития чешского поместья. Все их массу Граус разбивает на три основных вида. Первый вид — старые поместья, где феодал, применяя барщину, производит небольшое количество продукции для своего собственного потребления (это было характерно для мелких замкнутых владений). Второй вид — крупные поместья, в которых основной формой феодальной ренты явилась денежная. Собственное же хозяйство феодалов в таких поместьях было ничтожно. Данный вид, по мнению автора, получил в предгуситской Чехии наибольшее распространение. И, наконец, к третьему виду автор относит те поместья, где феодал, применяя барщину или наемную силу, давал продукцию на рынок (что встречалось на рубеже XIV—XV вв. относительно редко). Подобные поместья Граус называет зародышем поместья периода так называемого «второго издания крепостного права»¹⁹. Таким образом, Граус поставил вопрос о влиянии рынка на структуру феодальной вотчины и на эволюцию последней, что важно для понимания особенностей развития самой формации. Центральное место в монографии уделяется анализу феодальной ренты, ее формам и развитию накануне гуситского движения. С переходом к денежной форме ренты связываются все наиболее важные перемены в социально-экономической жизни Чехии, происходившие со второй половины XIII в. и вплоть до возникновения гуситских войн. Материал монографии подтверждает (правда, автор не делает такого вывода), что, хотя перед гуситским движением господствовала денежная форма феодальной ренты, главный элемент производственного процесса —

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 311.

¹⁷ Fr. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. D. I—II. Praha, 1953—1957.

¹⁸ Чехословацкий историк И. Петрань, исследуя положение чешского крестьянства накануне Тридцатилетней войны, установил для некоторых областей страны, что регулярно связываться с зерновым рынком могли только крестьянские хозяйства, имевшие надел не менее лана (I Petráň. Poddaný lid v Čechách na prahu třicetileté války. Praha, 1964, s. 23). За двести лет до этого даже таким крупным крестьянским хозяйствам связываться с рынком было труднее. Феодализм постоянно мешал развитию товарности сельского хозяйства.

¹⁹ Очевидно, что только сам период господства «второго издания крепостного права» можно отнести к «нисходящей» линии развития феодализма. См. М. В. Нечкина а. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма, стр. 48.

рабочая сила — воспроизводился, как и в X—XIII вв., на натурально-хозяйственной основе, с помощью земельного надела, который, по определению В. И. Ленина, выполнял функцию натуральной заработной платы²⁰.

В тесной связи с вопросом развития феодальной ренты автор ставит проблему расслоения крестьянства. Ф. Граус подошел к этому вопросу несколько иначе, чем Й. Мацек, и обнаружил в чешской предгуситской деревне наряду с зажиточными и неимущими слоями крестьянства слой середняков, который и составлял основную массу феодально-зависимого населения деревни. Автор развивает мысль, что расслоение чешской деревни в ту пору еще не являлось классовым, но все же было социальным. Причем массовый переход к денежной ренте вызвал тенденцию к углублению этой дифференциации. Граус видит среди крестьян XIV в. зародыш сельской буржуазии и пролетариата. Как известно, определенное расслоение крестьянства — неизменный спутник феодальной эксплуатации. Дифференциация обуславливалась рядом причин, среди которых далеко не последнюю роль играло то, что землевладельцы, заинтересованные в исправном поступлении феодальной ренты, препятствовали чрезмерному дроблению крестьянских наделов. Число новых крестьянских хозяйств в таких условиях возрастало медленно, и естественный прирост населения приводил к появлению бедняцких хозяйств. Недаром Е. А. Косминский обращал внимание на то, что было бы ошибкой «всякое расслоение относить за счет развития товарно-денежных отношений и разложения вотчины»²¹. Социальное расслоение деревни наступает, по мнению многих ученых, лишь в конце «нисходящей» стадии развития феодализма. С. Д. Сказкин, подытоживая материал своих собственных исследований и наблюдений ряда других марксистских историков в разных странах, писал: «Социальная дифференциация (кулак, середняк, бедняк) возникает лишь тогда, когда капиталистические отношения проникают и охватывают сельское хозяйство в целом, что же касается имущественной дифференциации, то она, можно сказать, есть факт, сопровождающий феодализм на всем протяжении его существования»²².

Спор о том, какой характер носило расслоение крестьянства на грани XIV—XV вв., тесно связан с теорией «всеобщего кризиса» феодализма, которой придерживается и Р. Каливода в работе «Гуситская идеология»²³. Постепенный рост производительных сил внутри феодального общества, развивает Каливода схему эволюции феодальной формации, привел к разделению труда и отделению ремесла, которым до этого времени занимались в поместье, от сельского хозяйства и сосредоточию ремесла в городах. Город же явился питательной средой не только для дальнейшего развития собственно производительных сил, но и для всех экономических последствий, вытекающих из товарного хозяйства, то есть для появления рынка, денежных отношений, кредита и т. п. В конце концов город вырос в огромную экономическую силу, пишет Каливода, и новые экономические отношения, сконцентрированные в нем, медленно, но неудержимо стали распространяться на деревню, способствуя разложению старых феодальных аграрных отношений. С развитием товарно-денежного хозяйства в XIV—XV вв. появляются ростки капитализма. Таким образом, объективно получается, что Каливода считает феодальную формацию в начале XV в. находящейся на

²⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 191, 516; т. 3, стр. 183—184.

²¹ Е. А. Косминский. Исследование по аграрной истории Англии XVIII в. М.-Л. 1947, стр. 264.

²² С. Д. Сказкин. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». М. 1961, стр. 26.

²³ R. Kalivoda. Husitská ideologie. Praha. 1961.

«нисходящей» стадии развития. Вот с этого времени он и констатирует наличие «всеобщего кризиса феодализма», который «мы можем так назвать по аналогии с нынешним всеобщим кризисом капитализма»²⁴. Наиболее сильным проявлением кризиса феодализма автор считает гуситское антифеодальное движение, которое он называет «гуситской революцией»²⁵. Причем первый акт ранней буржуазной революции автор видит в ликвидации феодальной церкви. Затем уже происходят собственно буржуазные революции, в ходе которых рождается капитализм. Исходя из этого, Каливода развивает мысль, что гуситское движение, так же как Великая крестьянская война в Германии, было революцией победоносной, так как осуществило задачу ликвидации экономической и политической мощи феодальной католической церкви.

Таким образом, хотя Й. Мацек, Ф. Граус и Р. Каливода специально и не ставили вопроса о направлении развития феодальной формации в Чехии в XIV—XV вв., этот период рассматривается ими уже как кризис феодальных отношений²⁶. Между тем следует вновь подчеркнуть, что, по нашему убеждению, только постановка вопроса о «восходящей» и «нисходящей» линиях в развитии феодальной формации даст возможность определить место и содержание XIV—XV вв. в общесторическом процессе, а применительно к истории Чехии оценить, в частности, историческую роль гуситских войн.

Попытку использовать постановку вопроса о «восходящей» и «нисходящей» стадиях в развитии феодализма предпринял Б. Т. Рубцов²⁷. По его мнению, социально-экономические явления, характерные для Чехии XIV—XV вв., свидетельствуют о переходе феодализма в его завершающую стадию, в его высший этап. Чешская вотчина в то время была уже весьма далека от «классического» ее образца типа хорошо исследованного английского манора XIII в.; но даже те вотчины, которые были максимально втянуты в товарно-денежные отношения, оставались в XIV—XV вв. по своей природе абсолютно феодальными без каких бы то ни было элементов, указывающих на развитие в них капиталистических отношений. Этот вывод важен тем, что он говорит не о кризисе феодальной формации в Чехии, а о том, что она переживала «восходящую» линию развития, когда внутренние потенциальные возможности феодального способа производства еще не были исчерпаны. Питаясь соками товарного хозяйства, феодалы богатели и укрепляли свои позиции.

Марксистские историки уже давно занимаются выяснением характера воздействия развивавшихся товарно-денежных отношений на аграрную структуру средневековья. Для определения линии развития феодальной формации в предгуситское время остановимся на одном из аспектов этой проблемы: рассмотрим, как вотчина — эта характерная ячейка средневекового общества — реагировала на рост товарно-денежных отношений.

Первая реакция чешских феодалов на развивавшиеся товарно-денежные отношения была своеобразной. Стремясь в возможно короткие сроки резко поднять доходность своих земель, они стали поощрять

²⁴ Ibid., s. 27.

²⁵ Ibid., s. 56.

²⁶ Чехословацкие историки А. Клима и И. Мацурек считают, что процесс разложения феодальных отношений и рост капиталистических элементов начался не ранее XVI века. См. А. Клима и И. Мацурек. Вопрос о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI—XVIII вв.). Сборник «Средние века». Т. 10. М. 1961. По сведениям А. Клима, первые мануфактуры в стране появились со второй половины XVII века. И лишь в конце XVII в. возникают концентрированные мануфактуры, в которых ясно проступают капиталистические отношения. См. А. К l i m a. Manufakturní období v Čechách. Praha. 1955).

²⁷ См. Б. Т. Рубцов. Исследования по аграрной истории Чехии (XIV—начало XV в.). М. 1963.

немецкую колонизацию. Увеличить свои доходы в середине XIII в. землевладельцы могли только путем распашки нови, основанием новых сел. Людей, необходимых для этого, приглашали из соседних владений, и особенно из Германии, где к этому времени часть крестьянства освобождается от крепостной зависимости. Погоня за новыми источниками дохода привела к тому, что феодалы начали изымать общинные угодья, находившиеся в крестьянском пользовании. Издавна чешские крестьяне привыкли к тому, что им никто не запрещал заготавливать в лесах хворост и дрова, строительные материалы. Крестьянам не возбранялось использовать леса в качестве выпасов для скота и для заготовки на зиму сена. Теперь же начали отнимать общинные и уменьшать надельные земли крестьян с тем, чтобы предоставить землю новым поселенцам. Так, в 1341 г. у крестьян королевского села Лишаны была отнята часть лугов и пастбищ, а также и часть наследственной земли и отдана основанным по соседству новым селам. С оставшейся же у крестьян земли управляющие взымали прежний оброк. Крестьяне были не в силах его уплачивать и обратились с жалобой к королю. Тот слегка уменьшил оброк — «на два стриха пшеницы, на столько же овса и на две курицы ежегодно», запретив изымать оставшиеся луга у крестьян названной деревни²⁸. Король при этом заботился о своих доходах: окончательно разоренные жители Лишан не могли бы выполнять свои повинности. За пользование общинными угодьями теперь вводятся дополнительные поборы с крестьян. В частности, крестьяне сел, принадлежавших Градищенскому монастырю, уплачивали в пользу землевладельца два особых натуральных побора, «*pláske*» и «*organpe*», за право выпаса своего скота²⁹. Крестьяне Полицкого панства, принадлежавшего Бржевновскому монастырю, ежегодно вносили 1½ гроша деньгами, вертел овса и 8 кур с каждой лошади, на которой ездили в лес. Кто из крестьян имел более четырех лошадей, уплачивал налог лишь с четырех³⁰. Так что зажиточные крестьяне получали преимущество. Именно в этот период изобретались все новые и новые платежи, налагаемые на зависимое крестьянство. Процветали различного рода злоупотребления, вроде перемеривания полей, когда землевладельцы приказывали вновь измерить крестьянские наделы меньшей мерой и затем за «излишки» земли требовали дополнительных платежей. Даже фиксированные повинности и те возрастали.

Это наступление на крестьянство, характерное и для других стран, было связано с перестройкой хозяйства под влиянием товарно-денежных отношений. На полученные с крестьян деньги феодалы приобретали новые владения, лавки в Праге и подвластных городах. Часть денег тратили на то, чтобы поднять доходность своего хозяйства. Первым мероприятием, принесшим землевладельцам немалый доход уже во второй половине XIV в., явилось рыбоводство. Для этого в Чехии имелись благоприятные природные условия: сравнительно густая сеть рек и речушек, обилие широких мелководных водоемов позволяли строить запруды. Техника строительства плотин к этому времени совершенствовалась, и плотины возводились весьма надежными. Рыба являлась важным продуктом питания, особенно беднейшей части населения. А во время церковных постов ее подавали к столу повсеместно. Заслугу в организации этой отрасли хозяйства хронисты приписывают Карлу I. Якобы он первым устроил в ряде мест страны королевские садки для рыбы. Его пример был подхвачен другими феодалами, понявшими всю выгодность этого дела. Крупнейшее владение архиепископа Пражского — Ржечиское

²⁸ А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Т. I, стр. 236.

²⁹ См. А. Н. Ясинский. Поземельная опись Градищенского монастыря. «Труды» Белорусского государственного университета. Т. XII. 1926.

³⁰ «*Deset urbáfu českých z doby před válkami husitskými*». Praha. 1881, s. 199—207.

панство, насчитывавшее около 90 селений, принесло своему владельцу в качестве полугодового чинша 145½ коп грошей (одна копа насчитывала 60 грошей). За рыбу же, выловленную всего в двух прудах около Кийе, неподалеку от Праги, архиепископ получил в том же году 210 коп грошей³¹. О выгодности рыборазведения свидетельствует и высокая цена на пруды. В 1348 г. в Градецке был создан пруд для рыбы, который несколько позднее оценивался в 60 коп грошей. За эту цену тогда можно было купить две, а то и три деревни³². Количество прудов быстро росло. Иногда при их устройстве заливались поля. Это землевладельцев не останавливало. Немалое значение приобрело и лесное хозяйство, особенно там, где лес было легко сплавлять в Прагу и иные крупные города. В таких местах составители поземельных описей не просто указывали приблизительные размеры леса, а тщательно определяли его площадь, обозначали его границы, а то и перечисляли породы деревьев, произраставших в нем³³. Эта точность в описании объясняется тем, что продажа леса на строительный материал и дрова приносила феодалам немалый доход. Древесины требовалось много, так как города росли, а свои леса имели только несколько королевских городов. В остальных горожане вынуждены были покупать древесину у феодалов.

Связь с рынком не меняла феодальный характер вотчины. Новые товарные отрасли хозяйства играли в предгуситской Чехии подсобную роль. Вотчина по-прежнему оставалась организацией, устроенной для эксплуатации крестьянства. Поэтому экспроприации и отделения крестьян от средств производства в Чехии XIV в. в сколько-нибудь широких размерах не наблюдается. Наоборот, общей тенденцией развития было сохранение крестьянства. Мы уже писали о том, как король вступился за крестьян села Лишаны. Получали они вознаграждение и за землю, отнятую под пруды. В трудные годы неурожая крестьян освобождали от уплаты повинностей. Все это делалось отнюдь не из человеколюбия, а для того, чтобы сохранить крестьянское хозяйство и не дать ему разориться вовсе, что повлекло бы уменьшение доходов самого феодала.

Может показаться, что о перерождении феодальных отношений свидетельствует наличие в Чехии XIV в. наемных работников. Их труд применялся в хозяйстве светских и духовных вотчин и даже в хозяйстве отдельных «крепких» мужиков. Больше сохранилось сведений о труде наймитов на монастырских землях. Так, Тржебонский монастырь имел значительный домен и непрерывно вел хозяйственное строительство. Монастырские крестьяне в основном несли денежные повинности, барщина у них была незначительной. 157 крестьянских хозяйств отработывали монастырю 428 дней в году на уборке хлеба, сенокосе и извозных повинностях. Кроме того, зависимым крестьянам приходилось трудиться несколько дней на господской пашне. Монастырь не мог справиться с хозяйством только силою барщинно-обязанных крестьян и постоянно привлекал поденщиков. В 1378—1385 и 1402—1408 гг., в периоды, по которым сохранились приходо-расходные ведомости монастыря, в его хозяйстве работали по найму 342 человека. В первое семилетие количество работников колебалось от 5 до 21 в хозяйственный год. Во второе оно увеличилось и доходило даже до 53 в 1402/1403 хозяйственном году. Таким образом, количество наемных рабочих намного уступало количеству зависимых крестьян. Большинство наемников работало на мона-

³¹ «Učet pokladníka arcibiskupství Pražského z let 1382—1383». Praha. 1912, s. 24.

³² A. Mik a. Feudální velkostatek v jižních Čechách (XIV—XVII stol.). «Sborník historický». D. I. Praha. 1953, s. 126.

³³ В качестве примера можно привести запись в поземельной описи одного из владений крупнейших феодалов юга Чехии, Рожемберков. («Regestrum bonorum zboží Rožmberského z r. 1379». Praha. 1880, № 464).

стырь не более года. Только 73 человека работали по несколько лет подряд. Среди работников имелись различные ремесленники: пивовары, пекари, мельники, плотники и т. д. Многие из наймитов одновременно являлись зависимыми крестьянами монастыря. В качестве последних они были обязаны выплачивать монастырю определенный денежный чинш, который часто вычитался из их заработной платы. К примеру, в 1402/1403 хозяйственном году некий Шильганек из 12 грошей, которые он заработал, получил всего 2 гроша 3 денария, так как остальное пришлось уплатить в качестве чинша. У другого крестьянина, Манея, высчитали за оброк 37 грошей 2 денария и заплатили ему 9 грошей 5 денариев. Монастырь использовал различного рода кабалу. Он продавал в долг работникам сукно, полотно, башмаки и другие товары, давал им мелкую ссуду, и те должны были все это отрабатывать. Иногда при расчете оставался должен работник. Нередко монастырь недоплачивал своим работникам большие суммы и притом без всяких на то причин. Взять хотя бы случай с батраком, которого в 1387 г. наняли для очистки от кустарника участка возле одного из монастырских прудов. Нанимавший его староста обещал заплатить за труд 72 гроша, а получил этот батрак 4 гроша. Если бы он что-то взял у монастыря или должен был заплатить монастырю чинш, или наконец был бы оштрафован, то в книге осталась бы соответствующая запись. Но ничего подобного в этом случае нет, и он был не единственный. Подсчитано, что за первое семилетие монастырь договорился заплатить 4 542 гроша, а фактически заплатил 2 347 грошей 1 денарий. Причем за долги было высчитано 127 грошей. Остальные деньги монастырь удержал за оброк, в виде штрафов или без всяких к тому оснований. За второе семилетие 237 работников недополучили 4 882 гроша 1/2 денария. Случаи, когда работники получали всю сумму сполна, являлись редкостью³⁴.

Уже этих фактов достаточно, чтобы составить себе некоторое представление об особенностях применения наемного труда в чешских вотчинах конца XIV — начала XV века. Наймитами очень часто работали свои же крестьяне, находившиеся от монастыря в личной поземельной и судебной зависимости. Работа по найму сочеталась у них с ведением своего хозяйства и являлась известным дополнением к нему. Лишь немногие крестьяне втягивались в работу по найму и продолжали ее несколько лет подряд. Большинство же работало в течение сезона. Возможно, перебившись в момент особо обостренной нужды, они затем работу бросали или же работали тогда, когда у них не было денег для уплаты феодалу повинностей. Искать работу на стороне монастырским крестьянам не было смысла, так как жилья феодалы наймитам не предлагали. Сам найм носил феодальный характер и сочетался с чисто феодальными методами эксплуатации. Словом, появление в вотчинах наемных работников не поколебало господства феодальных отношений.

В источниках имеются глухие упоминания о труде батраков в хозяйстве богатых крестьян. Но вряд ли в этом явлении можно видеть зародыши буржуазных отношений. К. Маркс, анализируя эти отношения, писал: «Класс наемных рабочих, возникший во второй половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии лишь очень ничтожную часть населения; его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах. Как в деревне, так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу»³⁵. Господство феодальной системы общественных отношений ограничивало распространение и углубление социальных сдвигов. Бремя феодальной вотчины давило не только на хо-

³⁴ «Urbář z roku 1378 a účty kláštera Třeboňského za let 1367—1407». Praha. 1949, s. XXXI, XXXII, XXXIII, 50, 74.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 748.

зайство маломощного крестьянина, но оно на каждом шагу стесняло движение и более состоятельного крестьянина, которому постоянно приходилось чувствовать свою сословную неполноценность.

Особенностью этого периода истории Чехии явилось и то, что введение денежной ренты не привело к освобождению крестьянства. После небольшого периода улучшения своего юридического положения чешское крестьянство снова испытывает усиление крепостного гнета. Примечательна в этом отношении грамота, подписанная в 1380 г. моравскими панями, о запрещении землевладельцам принимать на свои земли крестьян и горожан, «пока те не принесут грамоту, припечатанную печатью своего господина, что они своим господином отпущены на свободу»³⁶. Убежавших без отпусковых грамот землевладельцы были обязаны вернуть со всем имуществом их господам. В Чехии тоже существовали отпусковые грамоты для зависимых крестьян. Урезываются и другие права крестьян. С середины XIV в. крестьяне были стеснены в своем праве жаловаться на господина в земский суд. А в конце XIV в. потеряли это право вовсе и могли обращаться только в поместную курию. Последняя явилась немаловажным источником дохода. Записи в счетах пуркраби Новоградского панства показывают, что доход от штрафов по Новоградской рихте составлял за полгода 16 коп грошей, а оброк за это время равнялся всего 6 копам³⁷. Все это в определенной мере свидетельствует, что в XIV в. в Чехии имел место не «всеобщий кризис» феодализма, а кризис вотчинного хозяйства, сложившегося на натурально-хозяйственной основе воспроизводства. Приспособление вотчины к возросшим товарно-денежным отношениям проходило болезненно, за счет усиления нажима на крестьянство, что в конце концов в совокупности с другими причинами и привело к гуситскому революционному движению. Но «восходящая» линия развития феодализма в Чехии, как и в других странах, продолжалась.

³⁶ «Archiv Český čili staré písemné památky české i moravské sobrané z archivu domácích i cizích». D. XXII. Praha. 1905, s. 4.

³⁷ «Purkrabské účty panství Novohradského z let 1390—1391». Praha. 1909.